

Контрольная работа. Подготовка и способы проведения

Мария Ганькина,
учительница

Справедливо говорят: за двумя зайцами погонишься — ни одного не поймаешь. Но вот если погнаться аж за 133 зайцами, то, глядишь, десяток да поймаешь. Да каких! — один другого краше.

А пяток из них — зайцы, и вовсе науке неведомые. «Зайцы» на эзоповом языке соционигровой педагогики — это разные дидактические цели, задачи, результаты, которые даются в руки учителю не так-то просто. Но когда учитель ведёт урок с установкой не на одну-единственную цель (кстати, почти всегда притянутую за уши), а «на 133 зайца», то и результатов — пруд пруди. И не притянутых за уши к цели-химере, а самых что ни на есть настоящих: Саша понял так, а Гриша эдак, отличница

Наташа же слушает их, разинув рот, потому что ничего подобного ей в голову не пришло. Учителю просто пальцев на руке не хватает, чтобы пересчитать пойманных за урок «зайцев».

Вячеслав Букатов

Из книги «Общение на уроке, или Режиссура поведения учителя»

Диктант экстремальный — с углублением, усугублением и зрительно-слуховыми галлюцинациями

Диктанты бывают разные: контрольные, проверочные, обучающие, предупредительные, зрительные, слуховые, свободные, творческие — с заданием, с самопроверкой, с помощью ТСО... Для маленьких же артистов кукольного театра все диктанты на одно лицо — Карабаса-Барабаса.

Мне показалась здоровой мысль «изувекочечить» традиционный жанр диктанта-страшилки.

В поисках новых форм

В то время, о котором пойдёт речь, я переживала самую кульминацию возрастного модернизма. Ни от каких традиционных работ не отказывалась. Но творчески, так сказать, перерабатывала. Подчас до неузнаваемости. Ведь «деланье по-своему», «своё личное понимание» — неперменные слагаемые поиска своего собственного стиля.

Мы по нашему вхождению в школу — из разных других профессий, да ещё в постсоветские-то времена — были заряжены (заражены?) инакомыслием.

Переиначивали, перекраивали, перелопачивали всё и вся напрапалую. Правда, в рамках так называемого социоигрового стиля, который нам тогда открылся и которым мы были ошарашены и очарованы одновременно (сейчас он стал традицией, но продолжает открываться новыми гранями и глубинами). И по сию пору — при том, что душа повернута к традиции, к традиционному, — этот вирус «деланья по-своему» в крови. Нет, вирус — не то! Вирус — он извне, он и погибнуть может, тут же «деланье по-своему», «своё личное понимание» — в самой сути стиля, сама традиция предполагает выход на свой собственный стиль.

...Искали новые формы, и они становились содержанием. И простой зачёт, поход в музей, словарная работа или диктант оборачивались охотой за теми 133 зайцами, из которых десятков да поймаешь.

К тому времени у меня уже пребывало (в рамках репетиторства) достаточное количество учеников из других школ, чтобы понять, что приличные отметки за диктанты не имеют отношения к практической грамотности. Что это никакая не грамотность, а натасканность писать определённые тексты в определённых условиях.

«Серый Шейка, да?»

Наш любимый учитель музыки Сергей Евгеньевич, популярный в школе ещё и как непревзойдённый рассказчик анекдотов (грузинских в особенности), был однажды приглашён к пятиклассникам на урок русского языка — диктовать диктант... с грузинским акцентом.

Накануне Сергей Евгеньевич очень волновался — всё-таки первый раз в жизни диктовать!.. Для человека с инженерным образованием и

трепетным (как и у всех у нас) отношением к контрольным и проверочным диктантам это была очень ответственная работа.

Начал он вдохновенно, прямо артистически (сразу видать, что репетировал): «Слющий, дарагой: пагода бил хароший, да?.. Толка ма-а-алинкий Серый Шейка...» — уж он и прицокивал, и причмокивал, и рукой перед носом махал...

Дети оторопели...

Я вот, жалко, подробностей не помню (надо бы Сергея Евгеньевича порасспрашивать). Помню только, что писать начали не сразу — препирались. Выдвигали Сергею Евгеньевичу свои требования: мол, рефрен «слющий, дарагой» вслух не произносить (в уме можно, так и быть) — прошло; в конце фразы не ставить вопрос «да?» — не прошло, Сергей Евгеньевич сказал, что это выше его сил...

Помню, то и дело раздавались отчаянные вопли: «Ну, Сергей Евгеньевич, ну как по-нормальному?!» Сергей Евгеньевич принимался с жаром объяснять, и тут уж даже я — а я всё ж таки когда-то пять лет в Грузии прожила! — так вот даже я переставала что-либо понимать...

Помните, как Шура Балаганов из «Золотого телёнка», уже имея в кармане свои сколько-то там тысяч рублей для счастья, был пойман с поличным на трамвайной краже? Помните, как он кричал: «Я машинально, Бендер, я машинально»? Вот то же самое кричали мои дети, когда работы с «грузинским акцентом» после проверки соседом по парте и моей **вернулись к хозяевам**.

Второй такой диктант прошёл уже гораздо менее драматично.

Мы ж не звери!

В какой-то момент по просьбе ребят было введено следующее правило:

каждый имел право один раз во время работы (в какое — это он решал сам) подойти к исходному тексту, который лежал на стуле в углу класса, и заглянуть в него. Но глядеть можно ровно столько, сколько... сыплется песок в песочных часах, которые он сам же и перевернул, подойдя к стулу. Не звери ж мы, взрослые, всё-таки!

Эта возможность подойти к тексту и какое-то время поглядеть в него стала потом традицией для многих письменных работ.

Помню, время бурно обсуждалось. Договорились про одну минуту. Но как её отследить? Если самому за секундной стрелкой наблюдать, то в текст смотреть некогда. Кое-кто набивался в «счётчики» — но это ж 20 минут урока (по числу учеников) на циферблат только смотреть! Когда же работать?.. И тут чей-то взгляд упал на песочные часы на моём столе.

Песок — он и есть песок. Сыплется две минуты. Без вариантов. «А давайте, кто хочет, два раза по минуте!» На том и остановились.

На изложениях, конечно, каждый использовал своё время полностью. Ну а на диктантках — подбежал, глянул, скорее понёсся назад, чтобы не расплескать увиденное.

Всё, кроме почерка

Ещё одна «просьба трудящихся»: чтобы диктанты почаще были «на дружбу». Что ж, это понятно: в суровых условиях лучше держаться вместе.

У нас «на дружбу» означало, что в результате какой-то работы в группе из 4–5 человек «у всех в тетрадках всё должно быть одинаковое».

— И почерк?

— Кроме почерка, — сухо говорю я и, чтобы на корню пресечь торговлю на эту тему, сразу, без даль-

нейших объяснений, щёлкаю секундомером. — Время пошло!

Никто не спрашивает, какое время, на что время. С первого класса привыкли, что раз щелчок секундомера — то оно пошло и с каждой секундой его становится меньше. Значит, надо собраться с мыслями и договориться друг с другом. А то дело не получится сделать хорошо...

— Смотрите, у Лёхи ошибка! Лёха, ты куда спешишь? Надо одновременно с нами!

— Придётся всем написать пЕрог, а потом исправить на И. Чур, зачёркивать слева-направо снизу-вверх.

— Ребя, как пишется: прЕкючение или прИкючение?

— На каком слове перенос будем делать?..

— Ты что, так переносить нельзя, это ж не слог!

— Кать, что это у тебя за заколючка? Запятая? А здесь разве надо?..

— А что, у всех есть запятая? Да это же не сложное предложение, а однородные члены! Так, все рисуем запятую и зачёркиваем.

Эти разговоры-договоры — они очень важны для них. Это и есть подлинное «учить-ся» (учить себя).

Оценивается работа тоже «за дружбу». По часовой стрелке (или против) команды переходят в соседнюю, сверяют работы соседей «на одинаковость», договариваются об отметке, расписываются и возвращаются к своим тетрадкам.

Минута (не больше!) — на обмен недоумениями между командами. Если разговор конструктивный, то он продолжится и на перемене.

Про фрюколбасиков и сникерсёнка

Дальше в лес — больше дров. Дети сами сочиняли диктанты на те или иные правила орфографии, а потом

по очереди сами же их и диктовали в классе. Понятно, что тетрадки проверял и отметки ставил не кто иной, как сам автор очередного диктанта.

Вот, например, одно из заданий на дом по русскому языку: сочинить историю длиной в 10 предложений, используя глаголы с чередованием *бер/бир, мер/мир, тер/тир, лаг/лож* и *кас/кос*. Почему именно глаголы? Действия подсказывают и саму историю, и её динамику.

Вот что получилось у Ксюши Л.

Винегрет. *Иду на рынок, отбираю свёклу (побольше, покрупнее). Иду обратно. Захожу домой и ставлю её вариться. Где-то часик необходимо покоситься на газ, а то произойдёт взрыв. Выключаю газ. Протираю стол перед готовкой. Ещё необходимо отложить горох,сыпать его в салатницу и потерять свёклу. Ах да, совсем забыла, необходимо отмерить салатницу, чтобы подходила для вашего кушанья. Потом всё это смешать.*

Вот и получается простой винегрет!

Предложений — 10. Глаголов — 6. Но в инструкции их количество и не оговорено. Другое дело, что слово «покоситься» не могло вырасти на дереве с корнем *кас/кос* (касаться, коснуться и пр.). Оно с другим корнем — *кос* (косой, косить и пр.). И никакого чередования гласной в этом корне нет. А есть безударная гласная, которая к тому же проверяется ударением... Ага, вот они, мои нововведения, где всплыли! В учебнике традиционно — *кас/косИ!* Некорректно: И ведь кусок очень даже узнаваемого и продуктивного суффикса НУ (однократность действия) — вот я и лишила детей этой подсказки... Ладно. Спасибо, Ксюша, за ошибку — ты подарила нам возможность в этом месте копнуть поглубже. Завтра можно, например, предложить детишкам по эс-

тафете побегать к доске и попририсовывать листочки-слова на оба дерева — и с корнем *кас*, и с корнем *кас/кос*. А потом предложить поискать недоразумения — «огурцы на баобабе», как называли в классе слова, которые «не с этого дерева».

Вот, например, ещё один «огурец» из Ксюшиного диктанта — *отмерить* (мерка, замерять и пр.). Тут корень *мер*. Это слово не могло вырасти на дереве с корнем *мер/мир* (замирать, умер и пр.). А ещё есть корень *мир* (примирять, мириться и пр.). Вот так удача! Вот завтра с этими тремя корнями и покувыркаемся. А потом все три дерева появятся у каждого в личном «гербарии-корнярии».

А вот что получилось у Веры Л.

Занятие сникерсёнка. *На одной никому не известной планете Сникерс жил и живёт сейчас сникерсёнок (он сам себя так называет). Он живёт совсем один, не считая ста буряк, двухсот панафутиков, трёхсот фрюколбасиков и нескольких тысяч швюриков.*

Он очень аккуратный. Весь день суматоха: он чистит, моет, всё время что-то убирает, обратно кладёт, протирает кратеры, потом подбеливает в них лаву. Уложит спать всех буряк, панафутиков, фрюколбасиков и швюриков (на что у него уходит шесть часов) и сам ложится спать.

Наутро начинается новая ссора: мол, какой-то там буряк выбросил любимые шортики швюрика в ближайшую лаву. Тут опять сникерсёнок всё быстренько наладит, шортики швюрика выловит, померяет и шутку какую-нибудь придумает, чтобы посмеяться немного.

Ой, пора еду готовить! Пойдёт сникерсёнок, покосит рожь, протрёт, гляди — и еда готова!

Вот что значит жить на Сникерсе: сплошная уборка, стирка и готовка!

Предложений — 10. Отлично! Вот только у Веры те же «огурцы» — *покошит* и *померяет*. Неспроста. Может, Ксюша с Верой посоветались? Так или иначе, а узкое, значит, это место. Тем более надо бы его раскрутить...

Очень я люблю всякие *омо*: омофоны, омографы, омонимы, омоформы, то, что и одинаковое, и разное. Вот омофоны *примерять* и *примирать*. Корни безударные, поэтому слышится одно и то же. Пишу их на доске и нумерую: 1, 2. Хорошо бы, чтоб ребята теперь в паре с соседом по парте предложения с одним из этих слов (с каким хотите) придумали, а потом по очереди это предложение вместе произносили бы. С тем, чтобы слушатели каждый раз опознавали, с каким словом то или иное предложение — с первым или со вторым...

Кто последний? Я за вами!

Следующий шаг — читка на «завалинке» своего текста. Класс на слух должен определить, во-первых, есть ли в нём слова с нужными корнями, во-вторых, не зашкаливает ли количество предложений, в-третьих, членораздельно ли звучит текст.

Случалось, что автор «заваливался» — не мог и первое предложение дочитать до конца: либо написано «левой задней», либо так: «моя твоя не понимай». Что ж, жаль. Но раз сам себя прочесть не можешь, диктовать и подавно. Перепиши ещё раз, порепетируй, выходи на завалинку снова. Диктовать диктант классу было престижно, поэтому выходили. Со второй попытки текст обычно утверждался (да, голосованием: не мне его писать — не мне и утверждать!).

За пару недель должно было выйти диктантников десять (не все

претендовали: это ж надо выйти на определённую степень риска!), по 10–15 минут урока на каждый.

К «рукодельным» диктантикам все относились совершенно серьёзно. Новоиспечённый «учитель» деловито выходил к учительскому столу, присанивался, прокашливался и начинал диктовку. Правда, остальную роль «почтительно ожидающих следующего предложения учеников» удавалась не всегда. «Ксюшка, медленней!» — прорывалось там и сям.

К настоящей игре у детей — и младших, и старших — всегда очень серьёзное отношение. И взрослому, который предлагает игру, ничего не стоит обмануть детское доверие. Мне было достаточно, например, один раз взять судейство на себя или разок самой проверить диктанты, или перепроверить авторскую проверку, или влезть в процесс диктовки со своими поправками, или продиктовать самой текст заболевшего Андрюшки, чтобы игра из подлинной стала поддавками, когда дети всего лишь подыгрывают раздухарившемуся учителю.

Чем заняться учителю, пока ученики заняты делом? Законный вопрос. Тоже делом, наверное. Если взрослому интересно и важно что-то понять про детей — про кого-то конкретно или про класс в целом, то у него есть уникальная возможность понаблюдать за тем, что происходит. Надо только справиться с одолевающим учителя педагогическим зудом и занять «светотелевизию позицию».

Но вот Ксюша собрала тетрадки, и наступает самое приятное и ответственное. Дети в этом возрасте страсть как любят что-нибудь проверять. Особенно вместо домашнего задания.

Отметки я, конечно, выставляю в журнал. И я, и ребята — мы доверяем

проверяльщикам. В классе налажена работа по группам, поэтому отношения между детьми дружественные и деловые, а, значит, сведение счётов посредством отметок исключено.

...Чем это мы тут занимались?

А за 133 зайцами гонялись.

Интересно, скольких поймаете вы?

Педагогические страшилки

Записанные во время очередного «методобъединения словесников» за лепкой пельменей

Угощение на засыпку

Рассказывает Мария Ивановна

Есть такой знаменитый диктант, ко-чующий из поколения в поколение учителей, учеников и их родителей.

На дощатой террасе близ конопляника индифферентная веснушчатая падчерица Агриппина Саввишна исподтишка потчевала винегретом с ветчиной, моллюсками и другими яствами под аккомпанемент виолончели коллежского асессора Аполлона Ипполитовича.

Так вот, этот текст когда-то давно я писала дома на кухне. И

диктовала мне его мама. Мама была учительница русского языка. А я была самонадеянная девятиклассница.

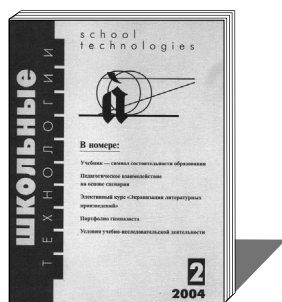
Я сделала тогда две ошибки: Ипполитовича с двумя «л» написала и конопляник — с двумя «н». Пере-страховалась, отличница.

Я помню эти ошибки всю жизнь. Развеялся миф о моей «абсолютной» грамотности. Так и живу теперь — грамотная, но не абсолютно.

Совсем недавно, разбирая семейный архив, я наткнулась на этот мой диктант. Усадила на кухне мужа и младшего сына и продиктовала им это мудрёное предложение. То-то был удивлён мой не менее, чем я когда-то, самоуверенный сын, когда наш папа перещеголял его — на одну ошибку меньше сделал. Теперь Никита даже иногда спрашивает у отца, как что пишется.

Кстати, недавно я занималась с ученицей, и меня взяло сомнение насчёт слова «веснушчатая». Я полезла в словарь, и выяснилось, что я пишу это слово неправильно — через «ща». Выходит, в том, кухонном, диктанте я сделала не две, а целых три ошибки. Да-а-а... Как же я тогда проверяла диктанты мужа и сына?..

ШКОЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ

Профессиональный журнал для специалистов в учебном деле, школьных завучей, методистов, преподавателей системы высшего образования.

Основные рубрики:

технологизация образования: теория и опыт; концепции и модели; инструментарий и алгоритмы; измерения и диагностика; информационные технологии. Шесть номеров в год.

Индекс — 72547, 71774, 79038, 79176